

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Целью данной статьи является аналитическое исследование феномена постсоветского пространства. Рассмотрены различные теории, в том числе теория самоорганизации, приведшие к распаду СССР, а в дальнейшем к тем процессам, которые мы наблюдаем по сей день. Сделана попытка теоретического осмысления данного феномена в контексте трансформационных процессов в международных отношениях на территории бывшего СССР.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 19-22. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**EDUCATION STATE IN SOUTHERN BESSARABIA REGION
AS PART OF MOLDAVIAN PRINCIPALITY AND ROMANIA (1857-1878)**

Aleksei Yur'evich Balitskii
Department of World History
Izmail State Classical University, Ukraine
aleksey.09b@mail.ru

The author considers the state of educational sphere in Southern Bessarabia region as a part of the Moldavian principality and Romania (1857-1878), and substantiates the thesis that intensified romanization that was accompanied by the compulsory study of the state language, contributed to the worsening of educational level both in the region as a whole, and among its urban population in particular.

Key words and phrases: Bessarabia; city; education; literacy; language; Romania.

УДК 327

Политология

Целью данной статьи является аналитическое исследование феномена постсоветского пространства. Рассмотрены различные теории, в том числе теория самоорганизации, приведшие к распаду СССР, а в дальнейшем к тем процессам, которые мы наблюдаем по сей день. Сделана попытка теоретического осмысления данного феномена в контексте трансформационных процессов в международных отношениях на территории бывшего СССР.

Ключевые слова и фразы: постсоветское пространство; процессы трансформации; международные отношения; парадигма; межэтнические конфликты; синергетика.

Зейнаб Зелимхановна Бахтуридзе, к. полит. н.

Кафедра гуманитарных дисциплин

Институт специальной педагогики и психологии, г. Санкт-Петербург

Кафедра мировой политики

Санкт-Петербургский государственный университет

zeinabb1000@list.ru

ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА[©]

Большинство исследователей, говоря о распаде СССР, характеризуют это событие как крупнейшую геополитическую катастрофу. Несомненно, политические трансформации привели не просто к территориальным, социальным и экономическим изменениям, но и к геополитическим последствиям. Оценочные суждения и актуальные поиски ответов на многочисленные вопросы о свершившемся факте отвлекают, пожалуй, от наиболее важного – изучения образовавшегося пространства как феномена. Невозможно пытаться понять, как будут развиваться события дальше, без ясного осознания, что представляет собой постсоветское пространство. Является ли это название содержательным или носит описательный формальный характер? Есть ли ещё что-то объединяющее государства, находящиеся в сфере этого пространства, кроме территории, которая была ранее частью единой сверхдержавы?

Если подходить к изучению постсоветского пространства как некой общности, то возникает необходимость определить, в чём она заключается. При исследовании данного вопроса неизбежно возникает вывод, что первоосновой общности постсоветских государств в культурно-историческом контексте является, прежде всего, общее советское прошлое. Исходя из этого, можно говорить о политической, экономической, социальной, психологической общности. В любом случае, это – результат сосуществования в рамках единого государства с очень непростой характеристикой.

У людей, живущих в едином социокультурном пространстве, формируется некий комплекс общих для них ценностей, норм, установок, определяющих содержание и направленность общественного сознания. Это «фундаментальная картина социального универсума, включающая комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском, т.е. комплексе, составляющем как бы субстрат важнейших концепций, теорий, течений данного исторического периода» [1, с. 199].

К. С. Гаджиев называет этот комплекс парадигмой. Возникает вопрос: распад единой социокультурной системы происходит на фоне смены парадигмы или сопровождается сменой парадигмы?

В случае с развалом СССР представляется наиболее правильным заключить, что, несмотря на некоторые предпосылки, о которых пишет большинство исследователей данного вопроса, сам распад системы был первичен, и он повлёк за собой или, сказать точнее, привел к необходимости смены парадигмы.

Очевидно, что многие из стран, ранее входивших в состав СССР, пытаясь «убежать» от советского прошлого, стараются найти новые пути развития, делая акцент на интеграцию в европейское сообщество, на приобщение к западным ценностям. Эти попытки связаны также с желанием преодолеть негативные последствия как существования в рамках Советского Союза, так и распада этой мощной сверхдержавы.

Между тем пребывание в постсоветском пространстве не зависит от субъективной воли какого-то отдельного государства. Оно в решающей степени определяется объективными обстоятельствами, которые невозможно изменить одномоментно [7, с. 74]. Могут ли быть достаточными без серьёзных изменений в области экономики, без приобретения нового опыта в рамках новой социальной и политической реальности, без смены политических традиций и без изменения психологического состояния общества политические решения со стороны власти имущих? Мы называем время, в котором живём, «эпохой перемен» (др.-греч. *ἔποχή* – «задержка, остановка в счёте времени, значительный момент»). В этом словосочетании отобразена длительность и значимость происходящих событий.

Постсоветские государства, несмотря на национальную специфику, имеют много общих черт, а также ряд проблем, связанных со становлением и укреплением государственности.

Наиболее актуально и значимо сейчас то, какие тенденции окажутся сильнее в пределах постсоветского пространства: интеграционные или дезинтеграционные? То есть возникает необходимость определить потенциальную устойчивость взаимоотношений большинства советских республик как одной из локальных систем современных международных отношений.

Социальная реальность показала, что не существует вечных линейных закономерностей, универсальных стадий эволюции, которые можно было бы отнести ко всему обществу, состоящему из разных групп и общностей, тем более что общество стали признавать сложной системой, развивающейся с течением истории [3, с. 115]. Сторонники системного подхода выделяют в обществе четыре основные подсистемы: политическую, социальную, культурную и экономическую. Если придерживаться логики их рассуждений, политическая подсистема общества благодаря своей основной функции – целеполаганию – оказывает влияние на другие подсистемы, заставляя их трансформироваться для достижения целей, поставленных ею перед обществом. Несмотря на то, что практически все бывшие союзные республики признают целесообразность налаживания, поддержания и укрепления экономических связей и контактов с Россией и друг с другом, в условиях новых реалий даже эти взаимовыгодные задачи иногда невыполнимы в связи с неразрешёнными противоречиями и проблемами в политической сфере. Ярким примером стали политические взаимоотношения России и Грузии: потеря дипломатической составляющей привела к кризису экономических связей.

В условиях трансформационных процессов, происходящих в мировой политической системе, в системе международных отношений, постсоветские государства нуждаются в обретении точки опоры. Прежде всего, это выражается в стремлении достичь стабильности и безопасности.

Невозможно обойти стороной так называемую теорию самоорганизации, т.к. кажется вполне справедливым и правильным утверждение, что история распада СССР могла бы составить одну из глав учебника синергетики. Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, основанный на причинно-следственных связях. Причём причинные цепи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то, по крайней мере, пропорционально ей, соответственно, развитие предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Классический, традиционный подход к управлению сложными системами основывался на представлении о действующей схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Основоположники синергетики отмечают, что на практике многие усилия оказываются тщетными, а иные даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем.

Синергетика со всей очевидностью демонстрирует, что сложноорганизованным системам нельзя просто навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития. Синергетика свидетельствует также о том, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития. Отсутствие жёсткой предопределённости укрепляет надежду на возможность выбора наиболее приемлемого и верного пути. Любопытно, что настоящее состояние системы определяется не только её прошлым, но и формируется из будущего, в соответствии с грядущим порядком, основы которого закладываются сегодня. Синергетика позволяет утверждать, что природа политических кризисов многогранна, а политика как многоуровневая система весьма восприимчива к резонансным явлениям. По мнению ряда исследователей, «линейная концепция изучения исторического процесса и социодинамики исчерпала свои эвристические возможности, и требуется выработка новых адекватных подходов к анализу проблем общественного развития и направленности исторического процесса, соответствующих времени кризиса, противоречий, трансформаций» [Там же].

Согласно утверждениям И. Пригожина, «понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество» [6, с. 18].

Нелинейное развитие самоорганизующихся сложных систем может привести к различным вариантам будущей картины мира, осознание этого вызывает серьёзные опасения и отчаянные попытки отвоевать себе место в структуре, не обладая даже информацией о том, каким он будет – новый миропорядок. Парадоксально, но в пессимистичности этого вывода коренятся наши надежды на то, что общие цели, пусть

даже такие прагматичные, как достижение безопасности, приведут государства постсоветского пространства к пониманию необходимости диалога. Вряд ли кто-то способен чувствовать себя спокойно в открытом, свободном для взаимопроникновения мире, где безопасности не существует. Назрела давно возникшая необходимость в формировании общегуманистической стратегии использования технологии власти, в том числе с помощью синергетического подхода. Мир стал нелинейным, неопределенным, неравновесным и человекомерным [3, с. 116].

Мнения большинства исследователей сходятся в том, что на постсоветском пространстве самой значимой угрозой стабильности является Кавказский регион (в широком значении этого термина). Это определяется, прежде всего, географическим положением Кавказа (благодаря которому на Кавказе пересекаются интересы различных акторов мировой политики) и сложностью урегулирования различных конфликтов, корни которых скрыты в глубине прошлого, покрытого мраком предположений, вымыслов, откровенных фальсификаций.

История взаимоотношений России и кавказских государств – это, по сути, история бесконечных конфликтных ситуаций, периодически принимающих форму вооружённых столкновений. Исторический опыт показывает необходимость многостороннего анализа развития ситуации на Кавказе, иначе поиск выхода из того комплекса проблем, которые существуют сегодня, грозит не только затянуться, но и усложнить процесс разрешения кризиса.

Ещё в 1996 году А. С. Панарин писал о том, что путь от «принудительного униформизма старой биоплярной модели к будущей качественно новой интеграции» лежит «через промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» [5, с. 109]. Уже тогда им был поставлен вопрос о сочетаемости универсальной и региональной безопасности в условиях «слабо управляемого регионального многообразия» [Там же].

Особый интерес вызывает вывод А. С. Панарина о консервативности геополитики, исходящий из того, что геополитические структуры и интересы представляют собой своего рода инварианты, во многом сохраняющие свою природу при радикальной смене политического режима на данной территории: «...география – это такой тип наследственности, который можно облагородить, но нельзя полностью изменить» [4].

После распада советской системы регионы постсоветского пространства стали форсировать прямые контакты со странами Запада, Ближнего Востока, с Турцией. Тот факт, что эти попытки стали осуществляться в обход России, вполне объясним и понятен и может вызвать разве что сожаление об утраченных связях и доверии, но то, что эти попытки идут вразрез с законами геополитики, вызывает реальные трудности и кризисные состояния, которые мы наблюдаем.

По мнению авторов статьи о вызовах и угрозах постсоветской геополитики, когда геополитическая система, основанная на противоборстве США и СССР, прекратила своё существование, она уступила место монопольному доминированию США и их союзников. Далее исследователи утверждают: «...но уже сейчас очевидно, что такая система крайне неустойчива и нежизнеспособна» [2, с. 2]. Действительно, под таким утверждением готовы подписаться многие. Менее бесспорной, а потому и вызывающей больший интерес и внимание представляется точка зрения авторов, выраженная следующим образом: «Есть веские основания полагать, что биполярная система, в значительно видоизменённом виде, уже в ближайшие два десятилетия вновь возобладает» [Там же]. Что кроется за такими предположениями? На чём базируются «веские основания»? Хочется верить, что речь идёт о знании глубинных сущностных законов геополитического пространства и мировой политики.

Нельзя не согласиться с мудрой и продуманной позицией А. С. Панарина, выраженной им следующими словами: «Спрятаться и изолироваться в евразийском пространстве негде; оно ставит народы, его населяющие, перед дилеммой: либо тесный союз и общность исторической судьбы, либо нескончаемая вражда» [4].

Постсоветское пространство – это геополитическое поле, оно обладает рядом особых качеств, в частности, оно «защищено системой явного или неявного протекционизма» [Там же].

Остаётся лишь уповать и надеяться на дальновидные продуманные решения современных политиков, которые помогут привести к новому миру, основанному на сотрудничестве, содружестве и общности. Совершенно очевидно, что гуманизация геополитики – это, по сути, способ выживания человечества и его эволюции.

Список литературы

1. **Гаджиев К. С.** Введение в геополитику. М.: Логос, 2000. 429 с.
2. **Евдокимов А., Жарский А., Коршунов Э.** Постсоветская геополитика: вызовы и угрозы // Защита и безопасность. 2011. № 4. С. 2-4.
3. **Ковтунова Д. В., Попов В. В.** Становление научной парадигмы: от линейной к нелинейной концепции общественного развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 2. С. 114-117.
4. **Панарин А. С.** В каком мире нам предстоит жить? Геополитический прогноз, сделанный в 1997 году [Электронный ресурс]. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=277#ixzz26ZBgr3kJ
5. **Панарин А. С.** Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 422 с.
6. **Пригожин И.** Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8.
7. **Транснациональные политические пространства: явление и практика.** М.: Весь мир, 2011. 372 с.

POST-SOVIET SPACE PHENOMENON

Zeinab Zelimkhanovna Bakhturidze, Ph. D. in Political Science
*Department of Classical Disciplines
Institute of Special Pedagogy and Psychology, St. Petersburg
Department of World Politics
St. Petersburg State University
zeinabb1000@list.ru*

The author conducts the analytical research of the post-soviet space phenomenon, considers various theories, including self-organization theory, which led to the USSR collapse, and later to the processes that still continue now, and undertakes an attempt of the theoretical interpretation of this phenomenon in the context of transformation processes in international relations within the former Soviet Union.

Key words and phrases: post-soviet space; transformation processes; international relations; paradigm; interethnic conflicts; synergy.

УДК 94(567):[(410):(470)]

Исторические науки и археология

В статье исследуется роль и значение персидского вопроса в межгосударственных отношениях Англии и России; подчеркивается, что от экономического соперничества конца XIX – начала XX в. за достижение преобладающего влияния в Персии великие державы, с учетом международной ситуации и внутреннего политического положения страны Льва и Солнца, перешли к сотрудничеству на основе соглашения 1907 г., которое и предопределило обоюдную поддержку заинтересованных сторон в проводимой ими персидской политике.

Ключевые слова и фразы: Персия; англо-русские отношения; соглашение 1907 г.; персидские походы; М. Шустер; Э. Грей; С. Д. Сазонов.

Анжелика Александровна Берзина, к.и.н.
*Кафедра всеобщей истории
Орловский государственный университет
dnh78@yandex.ru*

ПЕРСИЯ И АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. ©

Персидский вопрос в силу заинтересованности как Англии, так и России в упрочении своего положения на Среднем Востоке играл весьма важную роль в отношениях двух вышеназванных государств. Для Великобритании он смыкался с проблемой установления контроля над Афганистаном и Белуджистаном, обеспечением неприкосновенности Индии, для России – с защитой южных границ империи и, соответственно, включения северной Персии в сферу влияния последней.

В конце XIX века соперничество двух держав за страну Льва и Солнца имело финансовую подкладку: постоянный недостаток денежных средств и угроза банкротства толкали шахское правительство на заключение государственных займов. Так, в 1892 г. правительство шаха Наср-эд-Дина получило заем от великобританского правительства в сумме 500 тысяч фунтов стерлингов под обеспечение таможенных сборов в портах Персидского залива. В 1897 г. от России Персия получила 22 млн рублей под гарантию других таможенных линий. В начале века в оказании финансовой помощи российская сторона явно начала лидировать – в 1900 г. и 1902 г. русский Учетный банк предоставил персидскому правительству более значительные суммы, размер которых, не включая краткосрочных ссуд, равнялся 30 млн руб. [4, с. 39].

«Денежные вливания» российской стороны, безусловно, вызывали благосклонную реакцию шаха Музаффар-эд-Дина, который в 1905 г. выступил с предложением о заключении межгосударственного соглашения и, как сообщал действительный тайный советник (ДТС) И. А. Зиновьев, сопроводил его ходатайством «о ссуде Персии новой значительной суммы на покрытие расходов, вызывавшихся... необходимостью осуществить намеченные реформы» [2, д. 14, л. 130]. Примечательно, что данное предложение было отклонено, во-первых, по причине налагаемых последним нелегких союзных обязательств по защите Персии от внешних посягательств, а во-вторых, в силу неблагоприятной внутренней ситуации в стране в целом. Применительно к первому пункту речь шла о весьма неудовлетворительных отношениях Персии с ее соседями – Турцией и Афганистаном, в основе которых лежала вековая расовая и религиозная вражда, усугубляемая неопределенностью границ между означенными государствами. Учитывая, словами Зиновьева, «весьма частые пререкания и даже столкновения между обеими мусульманскими державами» (имеются